

ДЭН
СИММОНС

DAN
SIMMONS

THE ABOMINABLE

ДЭН
СИММОНС

МЕРЗОСТЬ

Издательство АСТ
Москва

*Эту книгу я с глубоким уважением посвящаю памяти
Джейкоба «Джейка» Уильяма Перри
(2 апреля 1902 — 28 мая 1992)*

Вступление

*Случаются великие дела, когда сходятся
вместе горы и люди.*

Уильям Блейк

Я познакомился с Джейком Перри летом 1991 года. Меня давно интересовали исследования и исследователи Антарктики — на самом деле еще с Года геофизики 1957–1958, когда США основали там первые постоянные базы, что поразило мое воображение, в то время десятилетнего мальчишки, — и где-то в 1990 году у меня возникло смутное ощущение, что можно написать роман, действие которого разворачивается в Антарктике. Прошло еще пятнадцать лет, прежде чем я действительно написал и опубликовал книгу об обреченной на неудачу арктической (не антарктической) экспедиции — вышедший в 2007-м роман «Террор», — но летом 1991-го мне нужно было представить издателю серию из трех книг. Меня интересовала именно Антарктика, а не экспедиции на Северный полюс, которые оставляли меня равнодушным (но о которых в конечном итоге я написал книгу), и этот интерес подпитывался многими годами чтения о приключениях Эрнеста Шеклтона, Роберта Фолкона Скотта, Эпсли Черри-Гаррарда и других героев и мучеников Антарктики.

Тогда, летом 1991-го, подруга моей жены рассказала, что знакома с настоящим исследователем Антарктики. Этот старик — он переселился в город Дельта на западном склоне Колорадо, в специальный дом для пожилых людей, где им обеспечивают уход, — в 1930-х участвовал в американских антарктических экспедициях под командованием контр-адмирала Ричарда Бэрда.

По крайней мере, Карен сказала, что так говорила ей Мэри. Лично я подозревал болезнь Альцгеймера, ложь, стремление рассказывать байки — либо все вместе.

Однако, по словам Мэри, 89-летний джентльмен по имени Джейкоб Перри действительно участвовал в американской антарктической экспедиции 1934 года. Это была опасная экспедиция, во время которой адмирал Бэрд, всегда жаждавший личной славы, провел пять зимних месяцев в одиночестве в ледяной пещере на современной метеорологической станции, где едва не погиб, отравившись окисью углерода от кухонной плиты вследствие плохой вентиляции. (Бэрд написал чрезвычайно успешную книгу об этой зимовке, естественно, названную «Один».)

Судя по тому, что Мэри сказала моей жене Карен, престарелый Джейкоб Перри был одним из четырех человек, которые в полной темноте преодолели сотни миль по Антарктике через ледяные бури полярной зимы 1934 года, чтобы спасти адмирала Бэрда. Потом всей группе пришлось ждать до октября, и после наступления полярного лета их самих спасли.

— Похоже, он сможет снабдить тебя информацией о Южном полюсе, — сказала Карен. — Ты можешь написать целую книгу об этом мистере Перри. Может, он тот самый адмирал Перри, который первым добрался до *Северного полюса!*

— Он Перри, — сказал я. — Перри из Антарктики. А не контр-адмирал Роберт Пири, который, как принято считать, в тысяча девятьсот девятом году первым добрался до Северного полюса.

— Почему нет? — спросила Карен. — Все возможно.

— Ну, во-первых, у них разные фамилии, — ответил я немного раздраженным тоном, поскольку не люблю, когда меня подталкивают к действию. Меня всегда раздражает, когда мне указывают, о чем мне писать. Я по слогам произнес фамилии адмирала «Пири» и старого мистера «Перри» из Дельты, о котором говорила Мэри. — Кроме того, — прибавил я, — теперь контр-адмиралу Пири было бы больше ста тридцати лет...

— Ладно, ладно. — Карен подняла руки жестом, выработанным за десятилетия брака, — сигнал, который теоретически удерживает обе стороны от кровожадности. — Я ошиблась. Но этот мистер Перри все же может рассказать что-то интересное, и...

— Кроме того, — перебил я, проявляя неуступчивость, — адмирал Пири умер в тысяча девятьсот двадцатом.

— Да, но этот Джейкоб Перри пока еще живет в Дельте, — сказала Карен. — Пока.

— Пока? Ты имеешь в виду его возраст? — Для меня всякий старик в возрасте восьмидесяти девяти или девяноста лет попадает в категорию «пока живых». Черт возьми, в 1991-м я считал, что любой человек старше шестидесяти долго не протянет. (Признаюсь, что теперь, в 2011-м, когда я пишу это предисловие, мне исполнилось шестьдесят три.)

— Нет, дело не только в возрасте, — ответила Карен. — В письме Мэри также упоминала о раке. По всей видимости, Перри еще жив, но...

Когда вошла Карен, я сидел за компьютером, обдумывая идеи для своих книг — печатал варианты заглавий, — но теперь выключил компьютер.

— Мэри действительно говорит, что он был с Бэрдом в Антарктике в тридцать четвертом? — спросил я.

— Действительно, — подтвердила Карен. — Я знала, что ты заинтересуешься им. — Моя жена каким-то образом умудряется не выглядеть самодовольной, даже когда права. — Тебе будет полезно на несколько дней выйти из кабинета. Это займет пять или шесть дней, даже если ехать до самого Гранд-Джанкшн. В Дельте можешь переночевать у Гая и Мэри.

Я покачал головой.

— Возьму «Миату». Сверну с 1–70, проеду Карбондейл, а затем вверх — и через перевал Мак-Клур.

— А «Миата»* преодолет Мак-Клур?

— Посмотришь, — ответил я, размышляя, какую одежду положить в дорожную сумку для двухдневного путешествия. Предположительно я поговорю с мистером Перри утром второго дня, а затем поеду домой. У меня есть небольшая сумка «Норт Фейс», прекрасно подходящая для крошечного багажника «Миаты». Я напомнил себе, что нужно не забыть фотоаппарат. (В те времена я еще не перешел на цифровую технику — по крайней мере, в том, что касается фотографии.)

* «Мазда Миата MX-5» — двухместный родстер японского автопроизводителя Mazda.

Таким образом, благодаря желанию прокатиться в горах на новенькой «Мазда Миата» 1991 года выпуска я познакомился с мистером Джейкобом Перри.

Население города Дельта, штат Колорадо, составляет 6000 человек. Попав туда той дорогой, которой приехал я — съехав на юг с 1–70 у Гленвуд-Спрингс, затем повернув на шоссе 65 у Карбондейла, затем по узкой двухполосной дороге через высокие перевалы мимо затерянных в горах поселков Марбл и Паония, — можно убедиться, что маленький городок действительно окружен горами. Дельта расположен в широкой речной долине к югу от Гранд-Меса, которую местные жители называют «одной из самых больших в мире гор с плоской вершиной».

Заведение, где в Дельте жил Джейк Перри, было не похоже на дом престарелых, и уж тем более на дом, где услуги сиделки были доступны двадцать четыре часа в сутки. С помощью нескольких федеральных грантов Мэри отремонтировала некогда роскошный, но теперь обветшавший отель и объединила с соседним складом. Результат выглядел скорее как четырехзвездочный отель, скажем, 1900 года, чем как дом для проживания с уходом.

Я обнаружил, что у Джейкоба Перри своя комната на четвертом этаже. (Во время ремонта Мэри установила лифты.) После того как Мэри представила нас друг другу и еще раз объяснила, почему я хочу с ним поговорить — Дэн писатель, работающий над книгой, действие которой происходит на Северном полюсе, и он слышал о Джейке, сказала она, — мистер Перри пригласил меня войти.

Комната и ее обитатель, похоже, подходили друг другу. Я удивился огромным размерам помещения — аккуратно заправленная двуспальная кровать у одного из трех окон, смотревших на горы и плоскую вершину Гранд-Меса на севере поверх крыш более низких зданий в центре города. Книжные шкафы высотой от пола до потолка были заполнены книгами в твердых обложках — я обратил внимание, что многие из них о горных вершинах мира, — и сувенирами. Среди последних были бухты старинной альпинистской веревки, очки из крукса, которые носили исследователи Антарктики, потертый кожаный мотоциклетный шлем,

древний фотоаппарат «Кодак» и старый ледоруб с деревянной ручкой, гораздо длиннее, чем у современных ледорубов.

Что касается самого Джейкоба Перри — я не мог поверить, что этому человеку восемьдесят девять лет.

Возраст и земное притяжение сделали свое дело: позвоночник согнулся и сжался, сделав Перри ниже на один или два дюйма, однако в старике еще осталось шесть футов роста. На нем была джинсовая рубашка с короткими рукавами, и я видел опавшие бицепсы, но мышцы по-прежнему оставались рельефными — особенно внушительными выглядели предплечья; верхняя часть тела даже в таком возрасте сохранила треугольную форму и выглядела мощной благодаря тренировке длиной в жизнь.

Лишь несколько минут спустя я заметил, что на левой руке у него не хватает двух пальцев, мизинца и безымянного. Похоже, это была старая рана — плоть на обрубках у самых костяшек была коричневой и огрубевшей, как и вся остальная кожа ладоней и предплечий. И отсутствие пальцев несколько ему не мешало. Позже, когда во время нашего разговора мистер Перри вертел в руках два восемнадцатидюймовых тонких кожаных шнурка, я с изумлением наблюдал, как он каждой рукой завязывает сложный узел — одновременно и разные. Вероятно, узлы были морскими или альпинистскими, поскольку сам я не смог бы завязать их обеими руками, несмотря на весь мой опыт бойскаута. Мистер Перри, не глядя, небрежно завязывал их, причем каждая рука действовала независимо от другой, а затем с рассеянным видом развязывал, используя только три сохранившихся пальца левой руки. По всей видимости, это была старая привычка — возможно, она его успокаивала — и он почти не обращал внимания ни на законченные узлы, ни на сам процесс.

Когда мы пожимали друг другу руки, я почувствовал, как мои пальцы тонут в его большой и все еще сильной ладони. Однако он не делал характерной для забияки из захолустья попытки стиснуть мою руку; просто я ощутил его силу. Лицо мистера Перри много лет подвергалось воздействию солнца — в высоких широтах и в условиях разреженного воздуха, когда ультрафиолетовые лучи сжигают клетки кожи, — и между коричневыми пигментными пятнами были видны шрамы от операций по удалению возможных меланом.

У старика сохранились волосы на голове, и он их коротко стриг. Сквозь поредевшую седину просвечивала смуглая кожа головы. Улыбаясь, мистер Перри демонстрировал собственные зубы, сохранившиеся почти полностью, если не считать двух или трех дальних на нижней челюсти.

Но больше всего мне запомнились синие глаза мистера Перри. Они были ярко-синими и, казалось, не имели возраста. Они никак не походили на слезящиеся, невидящие глаза человека, которому скоро стукнет девяносто. Взгляд ярких глаз Перри был любопытным, внимательным, смелым, почти... детским. Когда я читаю лекции начинающим писателям любого возраста, то предостерегаю их от сравнений с кинозвездами или известными людьми — это клише, лень и торопливость. И все же пятнадцать лет спустя, когда мы с Карен смотрели фильм «Казино “Рояль”» из новой серии про Джеймса Бонда с Дэниелом Крейгом в главной роли, я взволнованно прошептал: «Смотри! Такие же пронзительные голубые глаза, как были у мистера Перри. И вообще Дэниел Крейг выглядит как мой мистер Перри в молодости».

Карен внимательно посмотрела на меня в полутемном кинотеатре, а затем сказала: «Тише».

Тогда, в 1991-м, в доме для стариков я немного растерялся и несколько минут восхищенно разглядывал разнообразные артефакты в книжных шкафах и на письменном столе Перри — длинный ледоруб с деревянной ручкой, стоявший в углу, несколько камней, которые, как потом объяснил Перри, были взяты с вершин разных пиков, и черно-белые фотографии, пожелтевшие от старости. Маленький фотоаппарат на полке — модель «Кодака», которую нужно разложить, прежде чем сделать снимок, — был древним, но не ржавым; похоже, за ним тщательно ухаживали.

— В нем пленка... отснятая несколько лет назад, — сказал мистер Перри. — Так и не проявленная.

Я дотронулся до маленького фотоаппарата и повернулся к старику.

— Вам не интересно, что вышло на снимках?

Мистер Перри покачал головой.

— Я не фотографирую. На самом деле фотоаппарат не мой. Но здешний аптекарь сказал, что пленку, наверное, еще можно

проявить. Когда-нибудь я увижу, что получилось. — Он жестом пригласил меня сесть в кресло у встроенного письменного стола. Вокруг стола я увидел разбросанные рисунки цветов, камней, деревьев, довольно искусные.

— У меня очень давно не брали интервью, — сказал мистер Перри с иронической улыбкой. — Но даже тогда, несколько десятилетий назад, мне было почти нечего рассказать прессе.

Я предположил, что он имеет в виду экспедицию Бэрда 1934 года. Но тогда я глупо ошибся и также не догадался уточнить. Моя жизнь и эта книга были бы совсем другими, будь у меня хотя бы зачатки журналистского инстинкта, заставившего бы ухватиться за этот ответ.

Вместо этого я перевел разговор на себя и скромно (для эгоиста) сказал:

— Я редко беру интервью. Большая часть предварительной работы у меня проходит в библиотеках. Вы не против, если я буду записывать?

— Нисколько, — ответил мистер Перри. — Значит, вас интересуют антарктические экспедиции тридцать третьего и тридцать пятого годов?

— Наверное, — сказал я. — Понимаете, у меня появилась идея написать психологический триллер, действие которого происходит в Антарктике. Все, что вы мне расскажете о Южном полюсе, будет очень полезно. Особенно страшное.

— Страшное? — Перри снова улыбнулся. — Триллер? А вашим персонажам придется иметь дело с какими-нибудь враждебными силами, кроме холода, тьмы и одиночества?

Немного растерявшись, я улыбнулся ему в ответ. Вырванные из контекста, сюжеты книг часто выглядят глупо. А если честно, то иногда и в контексте. Действительно, я думал о гигантском страшилище, которое будет преследовать, убивать и поедать моих персонажей. Только еще не придумал, что это может быть.

— Вроде того, — признал я. — Что-то действительно большое и грозное пытается уничтожить наших героев, нечто, живущее во тьме и холоде. Оно пытается пробраться в их ледяную хижину, вмержший в лед корабль или еще куда-нибудь. Нечто нечеловеческое и очень голодное.

— Пингвин-убийца? — предположил мистер Перри.

Я заставил себя рассмеяться вместе с ним, хотя моя жена, мой агент и редактор задавали этот вопрос каждый раз, когда я заговаривал об антарктическом триллере. «И что, Дэн? Этот твой монстр будет чем-то вроде пингвина-убийцы, мутанта?» Все шутят одинаково. (И до сих пор я не признавался, что действительно думал о мутанте, гигантском пингвине-убийце, как об антарктической угрозе.)

— На самом деле, — вероятно, Перри заметил, что я покраснел, — пингины могут убить вонюю помета своих колоний.

— А вы бывали в их колониях? — спросил я, заноса ручку над своим тонким блокнотом, которым я пользовался во время подготовительной работы. Я чувствовал себя Джимми Олсенем*.

Мистер Перри кивнул и снова улыбнулся, но на этот раз взгляд ярких голубых глаз был обращен внутрь, к каким-то воспоминаниям.

— Третью — и последнюю — зиму, а также весну мне пришлось провести в хижине на мысе Ройдс... считалось, что я изучал там соседнюю колонию и поведение пингвинов.

— Хижина на мысе Ройдс... — Я был потрясен. — Хижина Шеклтона?

— Да.

— Мне казалось, хижина Шеклтона — музей, закрытый для посетителей. — Мой голос звучал неуверенно. Я был слишком удивлен, чтобы писать.

— Да, — сказал мистер Перри. — *Теперь*.

Я чувствовал себя идиотом и наклонил голову, пытаюсь скрыть румянец, снова заливший щеки.

Джейкоб Перри говорил быстро, словно хотел избавить меня от чувства неловкости.

— Шеклтон был для британцев национальным героем, и хижина уже превратилась в нечто вроде музея, когда адмирал Бэрд послал меня туда зимой тридцать пятого, поручив наблюдать за колонией пингвинов. Англичане время от времени пользовались хижинкой, отправляя туда орнитологов для наблюдения за птицами, и там все время хранился провиант, так что американцы

* Персонаж сериала о Супермене, фотограф.

с соседней базы или кто-то другой, попавший в беду, мог им воспользоваться. Но в то время, когда мне приказали отправиться туда, в хижине уже много лет никто не зимовал.

— Удивительно, что англичане дали разрешение американцам несколько месяцев жить в хижине Шеклтона, — сказал я.

Мистер Перри ухмыльнулся.

— Они не давали. И почти наверняка не дали бы. Адмирал Бэрд не спрашивал разрешения у англичан. Он просто отправил меня туда с двумя санями с семимесячным запасом продовольствия — парни вернули сани и собак на базу Бэрда через день после того, как высадили меня, — да, и еще с ломом, чтобы открыть дверь и заколоченные окна. Той зимой собаки могли бы составить мне компанию. Дело в том, что адмирал не желал меня видеть. И поэтому отправил как можно дальше, но в такое место, где у меня был шанс пережить зиму. Адмирал любил делать вид, что занимается наукой, но на самом деле ни в грош не ставил наблюдения за пингвинами или их изучение.

Я все записал, до конца не понимая, но чувствуя, что по какой-то причине это важно. Мне было непонятно, как использовать хижину Шеклтона в своем новом романе, еще без названия и с туманным сюжетом.

— Шеклтон и его люди построили хижину в тысяча девятьсот девятом... Когда я туда пришел, там еще сохранился корпус снегохода, который они оставили, — рассказывал Перри. — Наверное, она еще там — в Антарктике все ржавеет и разлагается очень медленно. Сомневаюсь, чтобы эта чертова штуковина проехала хотя бы десять футов по глубокому снегу, с которым столкнулся Шеклтон, но англичане любят всякие технические прибамбасы. Кстати, адмирал Бэрд тоже. Как бы то ни было, в начале антарктической осени меня высадили около старой хижины. Это было в марте тридцать пятого. Забрали меня в начале антарктической весны — в первых числах октября — того же года. Моя работа состояла в наблюдении за пингвинами Адели в большой колонии на мысе Ройдс.

— Но это же антарктическая зима. — Я умолк, уверенный, что сейчас скажу несусветную глупость. — Мне казалось, пингины Адели не... понимаете... не зимуют там. Я думал, они по-